

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Челябинский рабочий

Орган Челябинского обкома КПСС и областного Совета народных депутатов

Газета издается с апреля 1908 года

◆ № 263 (20488) ◆ Суббота, 14 ноября 1987 года

◆ Цена 3 коп.

ПОРТРЕТ ЗУБРА

В Южно-Уральском книжном издательстве готовится к выходу повесть Даниила Гранина «Зубр». Ранее опубликованная в журнале «Новый мир», она вызвала широкий резонанс общественности, потому что рассказала о судьбе видного советского биолога, одного из основоположников радиационной генетики, биогеоценологии, молекулярной биологии Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского.

У южноуральца особый интерес к личности этого ученого — в послевоенные годы он жил и работал в нашем крае. В ту пору он не был известен широким кругам, но те, кто общался с ним, сохранили память о Зубре на всю жизнь.

В начале повести я обратил внимание на описание одного портрета. Приведу его дословно:

«У любимого его ученика Володи Иванова я увидел дома картину. Это было единственное, что он взял после смерти Зубра на память об учителе. В. Иванову было предоставлено право выбора, и он выбрал картину. Ее называют «Три зубра». На ней изображены сам Зубр, он сидит, держит руки на фигуре зубра, на стене над ним висит фотография Нильса Бора... Художник рисовал его, когда ему было лет шестьдесят. А может, шестьдесят пять или семьдесят. Последние годы он оставался неизменным... Художник на портрете написал его красной краской. Не знаю, что хотел красным цветом смазать армянский художник, но портрет получился. На нем нисколько выражены куда лучше, чем я могу это сделать пером, раскрашенность его, натуральность, «зубрость»... Мы все ходим горюг да около, а он выразил то, что не давалось нам. Художник бьетют провидцами. Читая повесть дальше, я вновь и вновь возвращался к описанию этого портрета. Казалось, что где-то уже видел его. Но где? Вспомнить не удалось. А недавно заговорил об этом с челябинским художником Анатолием Гилевым. Внимательно выслушав, он пригласил к себе в ма-

стерскую. Я принял приглашение.

Прямо от входа в глаза бросился большой портрет, установленный на мольберте. Он! Увидев эти черты, запомнил их надолго. В них отражение не только сильного характера, но и следы бурной, значительной жизни. Увидишь — и не спутаешь ни с кем...

Гилев тем временем извлек из недр книжного задела томеньский каталог. Читаю: «Выставка произведений художника Р. И. Габриэляна. Челябинск, 1971 год». Ну, конечно же, Рубэн Габриэлян, безымянный армянский художник, о котором упоминает Даниил Гранин, а его «Портрет ученого», написанный красной краской, — одна из тех картин, что ослеплены в ту пору как формализм в искусстве и бог знает что еще. Листая каталог, и на последней странице нахожу фотографию портрета Тимофеева-Ресовского — Зубра. Того самого портрета.

— В 1955 году Рубэн окончил факультет живописи Ленинградского института имени И. Е. Репина и вместе с женой, художницей Кнерик Ога-

несян приехал по распределению в Челябинск, — рассказывает Анатолий Гилев. — Вскоре мы познакомились и подружились.

Зубр не был лично знаком с Габриэляном, но, видимо, знал и ценил его работы. Летом 1962 года Рубэну стало известно, что он был бы желанным гостем в Миассово. И он не упустил возможность побывать на биостанции со славой приближенца гонимых некогда наук — кибернетики и генетики. А с собой пригласил меня (я в ту пору работал в редакциях газеты «Комсомолец»). Натянули холсты на подрамники, набрали альбомов, кистей, красок, и в путь через перевал.

Поселили нас в одном из коттеджей на берегу озера (что-то из сотрудников уехал в отпуск). Углубок здесь райский, потому жились и работали прекрасно. Мы получили возможность наблюдать ученых в работе и чае отдыха. Вечерами собирались в наших двух комнатках. Говорили и спорили о науке, искусстве, поэзии... То были времена, когда мир «расколосился» на физиков и лириков. Но мы-то с Рубэном больше рисовали.

— Как родился портрет Зубра?

— Очень просто. Помню, он все время напоминал: «Рубэнчик, ты уж, пожалуйста, постарайся, чтобы Нильсусша Боруська вышла похожим...». А сам-то был неунывающим.

— Почему портрет написан красной краской?

— Таким Габриэлян чувствовал Зубра. Ведь этот человек

источал огромную энергию и закигал все вокруг. Видно был ты его в споре! Он не мог сидеть спокойно — сос а встал с места, словно леопол, расчищал себе арену и ходил, доказывая, убеждая. За месяц общения я ни разу не услышал от него ни единой красивой фразы, ни намека на лафос — слова четкие, полные смысла и железной логики. Для портрета маслом много цвета быть не могло...

Из той поездки в Миассово Рубэн Габриэлян и Анатолий Гилев привезли целую галерею портретов соратников Зубра. После этого у художников, особенно у Габриэляна, завязалась тесная дружба с учеными. Они неоднократно бывали в Новосибирске, в Академгородке Сибирского отделения АН СССР, рисовали там, а затем выставляли свои работы. Гилеву больше не удалось встретиться с Зубром — вскоре он уехал в Обнинск, а Рубэн Габриэлян еще долго поддерживал связь с этим необыкновенным человеком, тепло принимавшим творчество молодого живописца.

К сожалению, у нас нет хорошей фотографии с портрета Зубра, выполненного Р. Габриэляном. Сегодня мы представляем читателям «Челябинского рабочего» Н. В. Тимофеева-Ресовского, каким увидел его в 1962 году А. Гилев. Нам думается, что этот портрет или репродукция картины Р. Габриэляна были бы достойным оформлением южноуральского издания повести Даниила Гранина.

Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ.